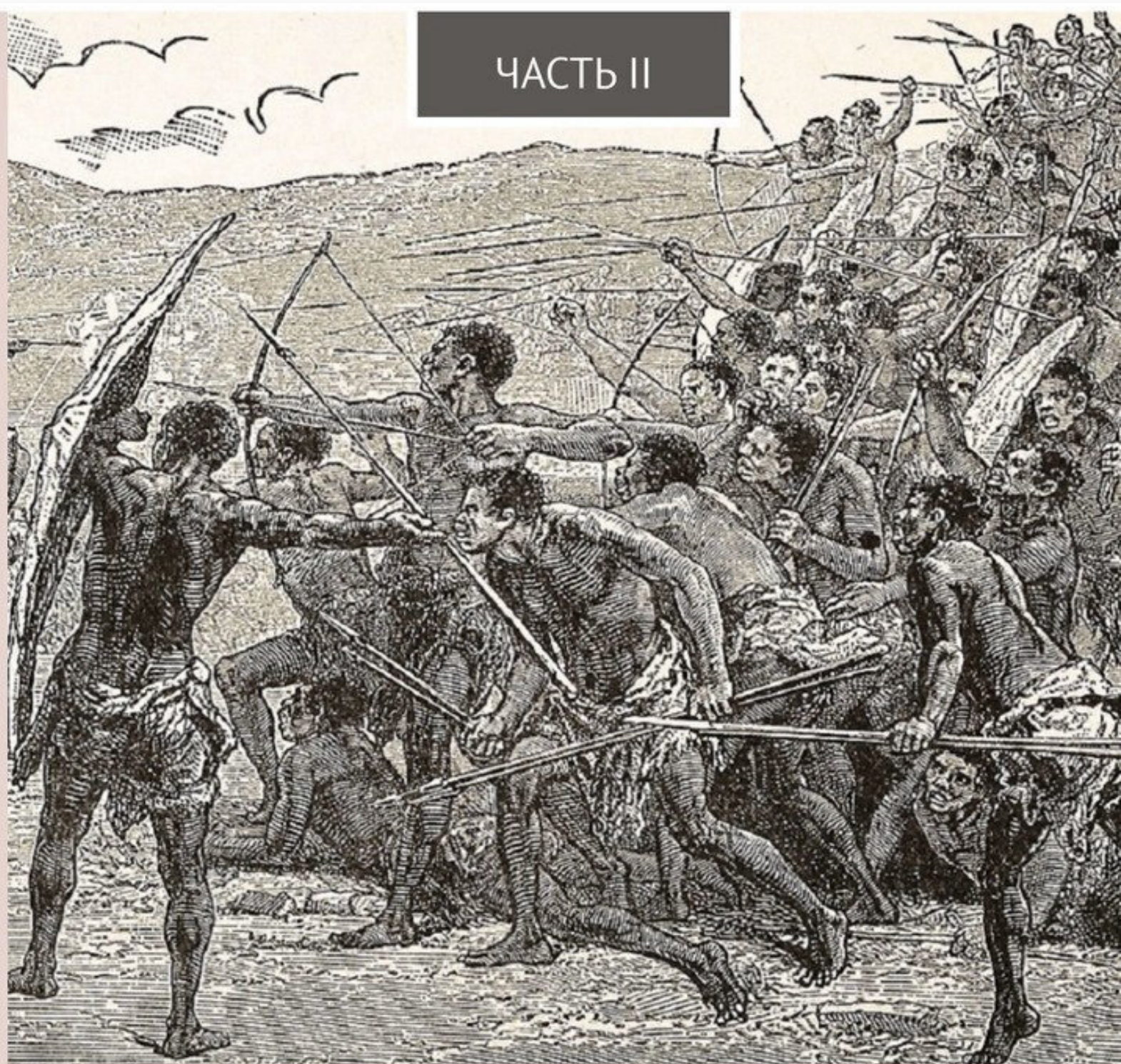

18+

РЕДЖИНАЛЬД КУПЕР

Как я охотился и охотились за мной в Бельгийском Конго

ЧАСТЬ II

Реджинальд Купер

**Как я охотился и охотились
за мной в Бельгийском
Конго. Часть II**

«Издательские решения»

Купер Р.

Как я охотился и охотились за мной в Бельгийском Конго. Часть II
/ Р. Купер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569409-6

Вторая часть книги английского охотника на крупную дичь в Африке,
повествующая о его приключениях среди племен каннибалов Конго в 1910
году

ISBN 978-5-00-569409-6

© Купер Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава XII	6
Глава XIII	16
Глава XIV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Как я охотился и охотились за мной в Бельгийском Конго Часть II

Реджинальд Купер

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Реджинальд Купер, 2022

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-9409-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0056-9410-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава XII

В первый вечер после моего возвращения в Кобу я сидел в лагере под травяным навесом и наслаждался хорошим горячим ужином с бутылкой сухого вина. Был уже поздний вечер, и мои негры сидели у костров и болтали, когда Моника подошел ко мне и сказал:

«Бвана, Мсунгу куджа» (хозяин, идет белый человек). Через несколько мгновений из травы появился туземный мальчик с фонарем и встал на утоптаный песок кемпинга. В следующий момент раздался веселый голос:

«Привет, вы Купер?»

Подняв взгляд при слабом свете настольной лампы, я увидел, что мой гость был для меня совершенно незнакомым человеком.

«Да, я Купер», – ответил я.

«Я Лонгдон. Я подумал, что должен просто прийти и навестить вас. Как дела?»

Это была моя первая встреча с мистером Джеральдом Лонгдоном, еще одним охотником на слонов. Когда позже я уже был дома и писал эту книгу о своем путешествии, в лондонских газетах появилось следующее сообщение:

«Энтеббе, Уганда. Миссис Лонгдон сообщила правительству, что ее муж был ранен слонем и умер в Конго».

Охотники на слонов потеряли в лице мистера Лонгдона человека, который был одним из лучших из них, человека с большим сердцем и к черным, и к белым. Думаю, я был одним из последних белых людей, видевших его живым, потому что, возвращаясь из Конго в декабре, я встретил его как раз между Ваделаем и Кобой, отправлявшимся в свое последнее путешествие.

Воистину, охота на слонов – одно из самых опасных занятий, которым может заниматься человек. Как странно казалось после этих многих недель, вдруг услышать веселый голос, приветствующий вас на родном языке. Когда Лонгдон выступил вперед, я на мгновение ощутил, что с некоторым трудом возвращаю способность говорить на английском. В тот вечер у огромного костра, который трещал и посылал искры к звездному небу, мы сидели и говорили обо всем, что только можно вообразить. Лонгдон узнал от комиссара, что меня уже здесь ждали, так как телефонный провод находился в рабочем состоянии, и парень на почте передал в Кобе о моем отбытии из Ваделая. Так Лонгдон узнал мое имя.

Однажды утром с почты пришел посыльный с телеграммой от П., который все еще находился в Нимуле, так как по прибытии в Кобу я послал ему сообщение по телеграфу. В телеграмме сообщалось, что мы должны встретиться в месте впадения реки Ассуа в Нил, и оттуда отправиться вглубь страны.

Река Ассуа (голубая стрелка), озеро Альберт (белая стрелка), место предполагаемой встречи автора с П. (красная стрелка)

Однажды днем господин Джон Мэнли, известный торговый посредник в поставках каучука, и я сидели в палатке, укрываясь от очень сильного шторма. Мы болтали, как вдруг страшный порыв ветра опрокинул палатку, и тяжелый мокрый брезент прижал нас к земле. Ветер вырвал крепежные колышки, несмотря на то, что они были около двух футов в длину и вбиты на несколько дюймов в грунт. Черные парни пришли нам на помощь, и всем вместе удалось прикрыть мои вещи, пистолеты, ящики и так далее. Ничего не оставалось, кроме как усадить боев на брезент, чтобы его не унесло ветром, пока Мэнли и я искали укрытие от бушующей бури в травяной хижине. Наконец буря улеглась, и, осмотрев вещи, я с радостью обнаружил, что ничего не пострадало.

Поручив Матаканге (исполняющему обязанности старосты вместо Салема, которого я оставил больным в Ваделае) следить за восстановлением палатки, я вместе с Мэнли отправился в его лагерь, расположенный ближе к правительственной «боме», и мы обнаружили, что его палатка также была снесена ветром. Несмотря на ненастную погоду, его повар успел испечь партию хлеба и преподнес нам в тот вечер отличный обед, приготовленный на открытом воздухе. Интересно, что бы сделали и сказали наши европейские повара, если бы им сказали готовить еду под проливным дождем и ураганом, бушующим вокруг кастрюль и сковородок? Местные повара действительно странные люди; самая большая трудность, с которой они сталкиваются в Конго, — это найти что-нибудь для приготовления пищи.

Помню, однажды моему повару пришлось на несколько минут отойти от костра; не успел он вернуться, как пробежала коза и опрокинула кастрюли и котелки с моим обедом. Однажды, когда мы поднимались вверх по реке Кембе он пек хлеб, готовил мясо, варил кукурузную муку и заварной крем. Все это было наполовину готово, когда прибежал разведчик и сообщил, что слоны находятся в нескольких милях от нас и удаляются. В одно мгновение бедняге Пиши пришлось последовать примеру всех и упаковать полуприготовленную еду, в то время как другие парни были заняты тем, что разбирали и упаковывали лагерное снаряжение, готовясь к долгому переходу, который предстоял нам. Через несколько минут мы все были в пути, но Пиши погрустнел и заметил мне:

«Бвана, ты не ударишь меня, если сегодня еда будет плохой?»

Бедный Пиши! Не его вина, если дела шли не всегда так, как хотелось бы. Он действительно часто становился жертвой обстоятельств. Повар часто самый беспокойный участник сафари. Он, например, упорно пытается приготовить кекс без яиц, так как в Конго их иногда невозможно достать.

Однажды я был в довольно плохом настроении, потому что у меня случился приступ лихорадки. Все ходили по лагерю осторожно и молча. Хозяин был болен, и они это знали. Я лежал на кровати в палатке закутанный в одеяла, несмотря на температуру 104° F (40° по Цельсию) в тени. Пиши подошел ко мне и прошептал «Бвана». Я поднял глаза и увидел желтую массу на сковороде, которую он держал. О, Пиши! Я никогда не забуду тот случай. Зная, что я люблю омлет, он простодушно пытался приготовить его с добавлением серы.

Какой бесформенной была эта масса; и какой был запах! Он высыпал на сковороду целую четвертьфунтовую банку серы и поджарил ее на полезном кулинарном ингредиенте – сале бегемота. Кстати, яичный порошок в этих краях просто незаменим, как и заварной крем, оба производства известной фирмы Берда. Ценность этой продукции, на мой взгляд, невозможно переоценить. Объяснение ошибки Пиши заключалось в том, что я хранил серу в старой банке из-под яичного порошка.

В лагере Мэнли я встретил известного помощника окружного комиссара, ответственного за Кобу, мистера Ханнингтона, сына покойного епископа Ханнингтона, чье имя занимает видное место в истории Уганды. Я очень ценил его доброту во время моего пребывания в Кобе.

Паровой катер «Кения» прибыл с европейским пассажиром, приехавшим из Нимуле и направлявшимся домой в Англию через Викторию Ньянзу и Момбасу. Он взял с собой львенка и молодого леопарда: оба резвились на пристани и вокруг палаток совершенно свободно, как собаки. Местные туземцы и маленькие терьеры Ханнингтона были несколько напуганы появлением среди них этих странных питомцев; но пассажир остался здесь только на ночь, так как ему хотелось поскорее добраться до Бутиабы.

Прождав в Кобе шесть дней, собрав необходимые запасы для трехмесячной поездки, я отправился оттуда утром на седьмой день. Ничего экстраординарного не произошло, пока, приблизившись к большому дереву к северу от Ваделая и через полчаса после пересечения первой реки, я не обнаружил шестерых моих боев. Было около четырех часов дня. Зная, что местность вокруг безопасна, если не считать леопардов, которые имеют обыкновение гулять после захода солнца, я в то время не обратил особого внимания на это обстоятельство; но они появились только около восьми часов.

«Где вы были?» – спросил я.

«Мы купались в реке, бвана; а потом пошел дождь, и мы стояли под деревом, пока он не прекратился», – ответили они.

Да, дождь пошел как раз вовремя, и эти балбесы остались под деревом с моей палаткой, сумкой и тремя грузами, так что мне тем временем пришлось ждать без палатки и противомоскитной сетки.

На следующий день мы благополучно добрались до реки Паньонго, но ночью над нами разразилась страшная буря, и в огромное дерево неподалеку ударила молния. На следующее утро, спустившись к реке, я с удивлением услышал крики туземцев на противоположном берегу. Выбравшись из травы и встав у кромки воды, я увидел на противоположной стороне европейца, окруженного несколькими туземными полицейскими, которые загружали свое снаряжение в каноэ. Офицер – а таковым он и оказался – руководил погрузкой своих пакетов в утлое судно. Мы приветствовали друг друга:

«Здравствуйте! Доброе утро!» – крикнул он.

«Доброе утро! – ответил я. – Вы приехали из Нимуле?»

«Да, я сейчас еду в Кобу».

Он подошел, и, поскольку на доставку всего его снаряжения ушло бы минут тридцать, мы распаковали стулья и устроились покурить, поболтать и посмотреть, как идет переправа.

Это еще один пример того, как тесен этот мир.

«Бывали ли вы в Южной Африке?» – спросил он после некоторого вступительного разговора.

«Да, я довольно хорошо знаком с этой страной» – ответил я.

«Значит, вы бывали на Оранжевой реке?»

«Да» – сказал я, – Некоторое время я был в Хайльбронне и Франкфурте. У меня был брат в полиции ЮАР во Франкфурте».

«Неужели, Артур Купер?»

«Да»

«Артур Купер – ваш брат?»

«Да».

«Я часто играл с ним в футбол. Я руководил там полицией».

И потом, мы вспомнили многих людей, которых знали оба.

Хотя это не имеет отношения к моим африканским путешествиям, есть еще один случай, который я хотел бы привести.

По завершении моей поездки в Новую Зеландию в 1908 году, в последний день моего пребывания в Окленде, выходя из здания почты, я заметил молодого человека, проходящего мимо в толпе пешеходов на тротуаре. Мы мгновенно узнали друг друга, потому что это был мой товарищ, с которым я общался в 1903 году в Ледбери в Ворчестершире. В течение пяти лет мы не виделись, и ни один из нас не подозревал, что другой в это время находится в той же точке мира.

У нас было время поболтать. Мы были более чем в пятнадцати тысячах миль от дома. Если бы кто-нибудь из нас оказался секундой позже на почте, мы бы не встретились.

Переправа через реку

Страна между Паньонго и Ваделаем находилась в ужасном состоянии наводнения, и реки, за исключением Нила, были почти неузнаваемы. Берега были размывы, и нужно было проявлять величайшую осторожность, чтобы подойти к реке. В сельской местности, не доходя до Ваделая, на протяжении трех миль вода была нам по шею, а затопленная тропа была настолько скользкой, что приходилось удерживать равновесие, цепляясь за высокую траву. Только с величайшими усилиями в борьбе с кривыми корнями и примятой травой, цеплявшись за ступни и голени, нам удавалось держать голову над грязной водой, которая несколько дней простояла и кишела мухами и трупам насекомых.

Нам потребовалось пять часов, чтобы пройти всего три мили. Время от времени наш парень, шедший впереди, который был освобожден от своего груза и действовал как лодчман, полностью исчезал, когда попадал в скрытую яму, оставленную ногами слона или бегемота. Другие парни разражались хохотом при виде такого веселого случая, происходящего с кем-то, но не с ними самими. Когда, несчастный «лодчман» снова появлялся над поверхностью воды, его встречали раскатами восторженного смеха, а вода лилась из его ушей и носа.

Этот пятичасовой марш по шею в застойной воде, вонючей и кишачей всевозможными живыми и дохлыми организмами, был крайне труден. Каждый из нас сиюминутно ожидал, что может стать добычей крокодила; и везде ни капли воды, пригодной для питья. Но мы все равно ее пили, несмотря на содержащихся в нем насекомых и прочую живность. Пока мы ползли вперед черепашными темпами, над нашими головами жгучее солнце обрушивалось на нас со всей своей ослепительной яростью. Некоторые парни несли грузы весом до шестидесяти восьми фунтов (21 кг). Наши ружья приходилось укладывать в палатку и нести на головах, потому что нести их на плечах было невозможно, так как все, кроме наших голов, было погружено в воду.

Салем и другие негры, которых я ранее оставил, с восторгом приветствовали наше пришествие в Ваделай. Салем выздоровел и теперь снова был самим собой.

Я могу упомянуть два небольших инцидента, которые произошли во время моего пребывания там.

Однажды днем я решил прогуляться и осмотреть близлежащие развалины старой «бомы», построенной еще во времена правления здесь Эмина-паши. Оставив лагерь под присмотром Салема, я отправился с Моникой, у которого было короткое копье. Закурив трубку, я пошел за ним, чувствуя себя счастливым и довольным миром в целом. Мы шли по узкой протоптанной тропинке уже почти час, когда Моника вдруг нагнулся и, рассмотрев какие-то следы на узкой тропе, сказал, что это были следы «симбы» (льва). Оставленные следы были не очень отчетливы, и лично я расценил их как следы рыскавшего леопарда во время его охоты прошлой ночью.

Все до сих пор говорили мне, что львов в этих краях не встретишь, хотя у туземцев были рассказы о совершаемых ими грабежах. Через полчаса, когда мы огибали участок густой лесистой местности в довольно высокой траве, мы услышали легкое движение; но так как мы ранее прошли мимо стаи каких-то бродячих собак, я не был готов, несмотря на след позади нас, к тому, что внезапно появилось.

На тропе не более чем в двадцати ярдах перед нами стояли три льва. Двое из них были уже взрослыми, а третий был львенком, ненамного крупнее собаки. Увидев нас, они резко остановились и смотрели на нас, хлеща хвостами по бокам, когда их беспокоили мухи. Сурово поглядев на нас несколько секунд, большой самец издал низкое рычание, а затем, обнюхав землю, ушел в траву слева от тропы. Двое других неторопливо последовали за ним. Все это длилось не больше десяти секунд, но прошла вечность, прежде чем я снова смог вздохнуть свободно. Если не считать копья Моника, мы были безоружны, так как я оставил ружья в лагере. По тому, как звери вели себя, было ясно, что они были сыты, и только этим я объясняю то, что они не предприняли попытки если не напасть, то хотя бы прогнать нас. Высокомерная развязная походка, с которой они исчезли, красноречиво говорила о том гордом положении, которое эти

звери занимают в животном мире. Надо ли говорить, что обратный путь в лагерь мы преодолели гораздо быстрее.

Львы так же боятся человека, как и человек их, и, за исключением людоедов, редко нападают, если только не будут беспричинно раздражены.

Я достаточно часто слышал их рев, проходя через Уганду, и временами видел их, но никогда не подвергался нападению.

Однако несколько лет спустя, когда морские инженеры Уганды и штаб Нильской флотилии находились в Ваделае, одиннадцать туземцев были унесены львами за одну ночь!

Как правило, львов можно встретить небольшими группами. Сомневаюсь, что кто-либо когда-либо видел более пятнадцати зверей за раз, разве что в зоопарках или зверинцах.

Несколько лет назад в Момбасе местный житель убил крупного людоеда, выстрелив в него стрелой из лука!

В окрестностях Найроби столько львов, что иногда они даже заходят на полицейские посты!

Однако я бы предпочел встретить льва, но не леопарда, потому что последний в определенной степени агрессивный и редко оставляет человека в покое, если представляется возможность напасть. Леопард хитер и вероломен, подползает и прыгает сзади, в то время как большинство львов, которых я видел, редко нападают на человека, если только их не раздражает охотник. Лев-людоед, конечно, исключение.

В другой раз, когда с несколькими моими парнями я отправился на поиски дичи, мы миновали развалины старой «бомы», давно заброшенной бельгийцами, а ныне это была просто груда кирпичей, заросшая травой. Внезапно, когда мы пробирались среди куч кирпича, разбросанного по земле, мой негр впереди остановился, крича: «Ньока, ньока!» (Змея, змея).

Пройдя вперед, я увидел огромную массу, свернувшуюся клубком в небольшой канаве, спускавшейся к Нилу. Гадина спала и представляла собой прекрасную возможность выстрелить ей в голову. Тщательно прицелившись, я выстрелил из обоих стволов; трава тут же колыхнулась направо и налево, но не прошло и двух секунд, как вокруг собралась дюжина возбужденных негров, осыпая рептилию страшными ударами. Когда я впоследствии осмотрел змею, она была почти нераспознаваемой массой, но тщательные измерения показали, что длина питона составляла двадцать один фут девять дюймов (6 м 63 см).

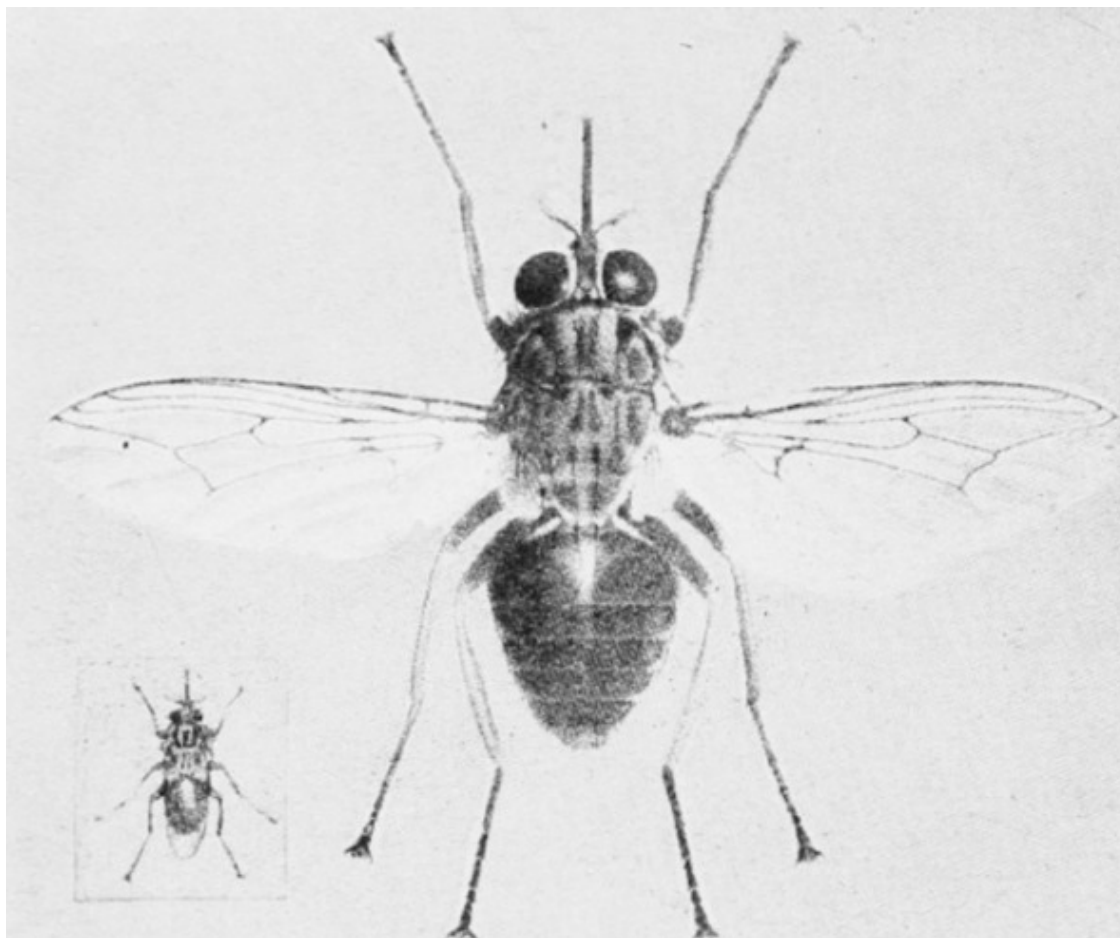
Питоны встречаются почти во всех частях Конго и достигают огромных размеров. Известно, что они могут проглотить небольшую антилопу с рогами и всем прочим. Рептилия, которую я подстрелил, была воспринята неграми с благоговением, и никто не изъявил желания нести тушу в лагерь.

Я часто сожалел о том, что не увез с собой много прекрасных голов и рогов огромного разнообразия дичи, добытой во время этой поездки, но когда вы поставили целью охоту на слонов, вы должны путешествовать как можно более налегке, чтобы иметь возможность покрывать большие расстояния. Пока мы с моим другом снова не объединим свои силы на реке Ассау, каждый из моих парней должен был нести столько, сколько мог; но когда два лагеря объединятся, будет намного легче, так как тогда можно будет разделить грузы между большим количеством носильщиков.

Муха цеце беспокоила мулов в Ваделае, и в течение дня приходилось разводить большие костры, чтобы отпугнуть насекомых.

Муха цеце встречается, главным образом, на берегах рек, живя в высокой траве, из которой она редко следует за человеком или животным более чем на полмили. Она мало чем отличается от обычной комнатной мухи, но немного крупнее; в состоянии покоя ее легко узнать по крыльям, которые скрещены или загнуты на спину. Я часто чувствовал, как игольчатое копье пронзает мою кожу через шерстяной жилет и рубашку. Нападение мухи цеце вызывает незначительное раздражение или вообще не вызывает его, как в случае укуса комара. Муха

цеце беспокоила нас только днем, примерно с девяти утра до пяти вечера. Я поймал несколько экземпляров этой мухи в Ваделае, но, как и многие другие вещи, коробка с ними была потеряна во время моей встречи с дикарями несколько позже.

Муха цеце

Я видел в Конго крупный рогатый скот, пораженный мухой, которая, судя по описаниям людей, предположительно является разновидностью цеце. Животные были худыми и жалкими на вид. Они еле тащились по пастбищу, но не выказывали недостатка аппетита, несмотря на изможденный вид.

Я довольно долго задержался в Ваделае, фактически, три дня. В день моего прибытия туземцы на западном или конголезском берегу кричали, что ветер слишком сильный и они не осмеливаются приплыть к нам на своем утлом судне. Нил здесь был шириной, примерно, четыреста ярдов, и я прекрасно понимал, что переправа будет рискованным предприятием, и независимо от того, переплывут негры или нет, я должен был сам подумать, прежде чем рисковать своим грузом на их хрупком суденышке при таком сильном ветре.

На следующее утро солнце поднялось, и только через два часа мои парни смогли привлечь внимание людей на другой стороне. На этот раз они торговались из-за того, что намеревались получить в качестве оплаты, и отказались плыть за то, что я им предложил. Вдобавок к этому они плясали в состоянии сильного возбуждения, кричали и дразнили нас. К полудню ветер опять усилился, и было бесполезно думать о переправе в этот день. Около четырех

часов дня парусная лодка, идущая из Нимуле, появилась из-за поворота в миле к северу от нас. В бинокль я мог разглядеть европейца, сидящего на корме под тентом.

Они плыли против течения, и туземной команде было очень трудно грести при наличии сильного встречного ветра. Ровно через час, в ответ на мои сигнальные огни и красные одеяла, закрепленные на шестах, которыми размахивали мои парни, мы увидели, что лодка направляется к берегу под нашим лагерем. Это оказалось «Доброе Намерение», нагруженное слоновой костью, а также на борту было около двадцати туземных мужчин, женщин и детей. Белый пассажир был греческим торговцем, приехавшим из Конго. От него я узнал, что доктор Рендл заболел в Нимуле малярийной лихорадкой.

Негры на берегу Конго, которые до этого дразнили нас, теперь очень встревожились появлением у меня гостей на большом судне. Боясь, что мы нападём на них, они даже вытащили свои каноэ из воды и спрятали их в траве. Однако «Доброе Намерение» уплыло рано утром следующего дня. Видя это, шинзи, как обычно называют туземцев в этой части Африки, то есть представители примитивных диких общин, не были склонны переправлять нас.

Я пошел к вождю туземцев на нашей стороне реки и договорился, чтобы его люди переправили нас на другой берег. Каноэ вождя проплыли вдоль берега Уганды, пока не поравнялись с нашим лагерем. Увидев это, шинзи с другого берега закричали, соглашаясь выполнить работу, которую я требовал от них вчера. Гребцы вождя, увидев шинзи, испугались, и я их отпустил. В тот же момент с противоположного берега выплыло каноэ, и, подойдя к нам, шинзи согласились, после некоторого торга, переправить весь караван. Чтобы предотвратить какой-либо обман, я отправился с Пиши в первую поездку и застал дикарей в сильном волнении. До них дошел слух, что с севера в их страну направляется большое количество белых людей.

«Да, – говорили они, – белые люди нам не нужны, они отнимут всю нашу еду, а потом приведут аскари, которые нас убьют. Зачем они идут?»

Дикари не сказали мне, как такие новости достигли их деревень.

Основанием для этих слухов было то, что суданцы в то время расширяли свои владения на юг через анклав и устанавливали свои посты в различных местах. Новости в Конго разносятся далеко и быстро, и все деревни, через которые я впоследствии прошел, выражали тревогу из-за слухов об очередном эксперименте по управлению их страной.

Негритянская деревня на берегу реки

Некий бельгийский комендант в «боме», не более, чем в ста милях от озера Альберт, недавно угощался у моего друга, мешая вино, пиво и шампанское. Пьянка продолжалась с захода солнца до пяти часов утра. В восемь часов этот же чиновник уже сидел на веранде и вершил «правосудие» над дюжиной туземцев, скованных вместе и терзаемых множеством аскари, которые безжалостно били заключенных прикладами винтовок. Я хорошо знаю, что представляет собой официальное «правосудие», творимая такими людьми. Мы искренне надемся, что суданским аскари не будет позволено бродить по стране без контроля со стороны европейского офицера, ибо, если им будет позволено «патрулировать» под наблюдением туземного или цветного унтер-офицера, мы услышим о зверствах, подобных тем, которые совершались при бельгийском режиме.

Аскари с двумя закованными в цепи негритянками

Никто не знал, кто в данное время (бельгийцы или суданцы) управляют этим районом анклава.

Глава XIII

Чтобы быть уверенным, что попаду на слияние Асса и Нила, я решил держаться поближе к Нилу и рассчитывал с комфортом совершить путешествие из Ваделая за пять дней. Наш путь привел нас в район напротив Боры.* Трава была по плечи, и мы постепенно продвигались вперед по воде, полной насекомых и гниющих останков рыбы и мелких животных. Это было начало большого участка почти непроходимой плоской травянистой местности, местами покрытой водой глубиной в три фута.

** Бора – деревня на восточном берегу Нила в 30 км к северу от Ваделая – А.С.*

Заросли травы, затопленные водой

В тот вечер уже стемнело, прежде чем мы снова оказались на суше, за исключением четырех оставших носильщиков и мула, умершего в пути и брошенного посреди болота. В этот день, примерно с восьми утра до девяти вечера, мы с трудом продирались сквозь густую жесткую траву и кусты, через ужасные ядовитые растения, нас повсюду кусали мухи и насекомые самых разных видов. Яркое солнце над головой безжалостно палило, когда мы оступались в ямы, оставленные ногами гиппопотамов, падали, погружаясь в ил и грязь. Негры падали в воду, погружаясь с головой, грузы разлетались; наши одежды были разорваны, а на коже появились кровавые царапины.

Около полудня мул, везший сорок фунтов ткани, провалился в одну из ям, со стоном рухнул и перекатился на бок. Я держал его голову над водой, а Салем и Пиши срезали пучки травы и сложили их в кучу, на которую можно было положить часть груза. Нам понадобилось девять человек, чтобы снова поднять животное. Сняв с него груз, который теперь был распределен между Моникой и Салемом, мы снова продолжили прорубать себе путь через коварные спутанные корни, которыми изобиловали кусты и высокая трава. Вскоре бедный мул начал падать снова и снова. Ноги его при каждом шаге увязали в грязь, кроме того, вот уже несколько дней он страдал от нападений мух. К этому времени он стал для меня таким близким компа-

ньоном, что я остро почувствовал его утрату и отвернулся с комом в горле, убедившись, что он мертв после того как всадил в него пулю.

Вскоре после того, как оставили мула, мы наткнулись на большую группу кустов, стоящих на небольшом холме в нескольких футах над водой. Холм был около пятидесяти футов (15 м) в окружности, и на нем одновременно могли стоять около дюжины человек. Один из самых проворных парней по имени Сайс вскарабкался на дерево, окруженное морем колышущейся травы, с вершины которого он сообщил, что на западе примерно в трех милях возвышается еще один холм, гораздо больший по размеру; но у нас заняло еще семь часов (с двух часов дня до девяти вечера) чтобы преодолеть это расстояние.

Мы с Пиши шли впереди с крепкими палками и изо всех сил старались расчистить ими дорогу через длинную спутанную траву. Я никогда не забуду, как лихорадочно мы продвигались вперед, часто тратя полчаса, чтобы пройти пятьдесят ярдов. К закату (в шесть часов вечера) мы были в полумиле от холма, но только в девять часов наши ноги коснулись суши. Если бы кто-нибудь увидел, как мы выходим из болота на сухую и твердую землю, он, должно быть, подумал бы, что мы сошли с ума, потому что мои парни танцевали и кричали от радости.

Больше всех пострадали мы с Пиши, ибо с трудом прокладывали для каравана путь через болото, и едва ступив на сухую землю, мы легли совершенно измученные, исцарапанные травой и колючками с головы до ног.

Я очень взволновался, когда подошел староста Салем и сказал, что четверо носильщиков еще не вышли из болота, и, хотя мои парни долго кричали, ответа не было.

Вскоре стало слишком темно, чтобы мы могли видеть что-либо вдали. Те, кто видел этих носильщиков в последний раз, утверждали, что они остались в зарослях кустарника на болоте. Снова и снова мои парни кричали, но по-прежнему не было ответа.

Я очень боялся, что, если они не доберутся до лагеря в ближайшее время, с ними может случиться что-то серьезное. Пока мы оставались у подножия склона, комары были бы невыносимы, поэтому, отдохнув несколько минут, я послал группу носильщиков выбрать хорошее место на вершине плато, откуда был бы виден наш костер на многие мили. Склоны возвышенности почти до самой вершины были покрыты деревьями, где они уступали место спускающейся к западу полосе невысокой травы.

Конечно, грузы, которые несли пропавшие носильщики, оказались палаткой, ящиком шампанского, аптечкой, ванной, стулом и кроватью, так что, впереди меня ожидала «уютная» ночь. К счастью, со мной были москитная сетка и личная сумка с вещами, а также кастрюли и скудный запас еды. Это был тяжелый день для всех нас, но после двадцатиминутного отдыха мы занялись постройкой подобия травяной хижины, в которой я мог бы переночевать. Между тем, костер был зажжен и ярко горел, видимый на многие мили вокруг. Затем мы срубили сухое дерево, и его ветки, сложенные в кучу, образовали дополнительный огромный костер с длинными языками пламени, взметнувшимися к небу.

Прохладный ветерок продувал сквозь деревья, и создавалось ощущение скорого дождя.

Пиши успел приготовить немного мяса и картошки, за что я был ему благодарен. Это, со стаканом крепкого горячего виски, вскоре воодушевило меня. Салем пришел сказать мне, что у парней почти нет еды. К счастью, вскоре это было исправлено запасами туземной муки и мяса, которые я хранил для таких непредвиденных обстоятельств. После того, как мои негры развели костры, они легли вокруг огня и через несколько минут все крепко уснули.

Представьте себе, вы несете на голове груз в семьдесят пять, а в некоторых случаях и сто фунтов, через болото, медленно пробираясь сквозь спутанную траву в глубокой вонючей воде, полной разложившихся насекомых и птиц; шипы и колючие растения разрывают одежду и кожу с головы до ног.

Многим боям волей-неволей приходилось пить гниющую воду. Ни одна жалоба не сорвалась с наших губ с полудня до поздней ночи, и теперь, когда мы снова оказались на твердой земле, реакция на ужасные переживания дня начала сказываться у всех и у каждого.

Огромные летучие мыши порхали над нашими головами, так близко, что их запах отравлял окружающий воздух.

У большого костра полуголые носильщики, измученные и с больными ногами, теперь громко храпели. Пиши и Салем занялись приготовлением для каравана пары огромных котлов с тушеным мясом и овсянкой. Многих парней сильно трясло, а некоторые вообще отказывались прикасаться к еде.

В ту ночь над нами разразилась страшная буря. Хижину снесло ветром, и я просидел без крыши, промокший до нитки, с полуночи до рассвета, как и остальные парни. После событий предыдущего дня было тяжело всю ночь сидеть без сна.

Оглушительные раскаты грома гремели и гремели над головой, ужасные вспышки молний ударили в землю недалеко от того места, где мы находились. Все это сопровождалось страшным ливнем; деревья и травы вырывались с корнем, поддавшись ярости бури, которая, как только появились первые серые полосы зари, резко стихла. Верхушки деревьев и болото внизу были покрыты вздымающимся морем белого тумана, которое простиралось до великих безмолвных вод Нила на востоке.

Когда тьма облаков откатилась на запад, где разъяренная буря теперь обрушила свою ярость на глубокие, стремительные воды реки Кибали, пелена наверху медленно спадала и открывалось утреннее небо с еще видимыми звездами, которые постепенно, в свою очередь, поглощались наступающим светом дня. Холодный ветер с востока принес с собой пение птиц, по мере того, как дневной свет постепенно разгонял тьму. Наконец, огромное кроваво-красное солнце поднялось над крутыми гребнями холмов за Нилом.

После того марша по болоту я ощутил первый приступ малярийной лихорадки. Несколько моих негров также страдали лихорадкой. Я чувствовал себя далеко не в форме, у меня появилась тошнотворная головная боль, и все силы ушли от меня. Моя температура в восемь утра была 102° F (39° C). Моей первой заботой было организовать поиски пропавших носильщиков. Прежде чем отправить поисковиков, я сделал два выстрела из ружья, чтобы отставшие могли определить, в каком направлении находится наш лагерь.

Есть что-то невыразимо странное в звуке ружейного выстрела на рассвете, когда огромная пустынная и безмолвная местность под вами окутана белым плащом тумана. Звук распространяется во всех направлениях, пугая собак и диких животных, бродящих на мили вокруг. Стаи птиц взлетают из тумана к небу и с громким криком улетают. Обезьяны убегают, громко крича, перепрыгивая с дерева на дерево. Великая и почти священная тишина нарушена; у туземцев в окрестностях этот звук вызывает тревогу, и скоро барабаны разносят сообщения из деревни в деревню.

В деревнях в воображении негров возникают всевозможные версии опасности. Женщины и дети срочно переносят в тайники драгоценные запасы зерна из причудливых глинобитных и травяных амбаров, которые стоят на грубых деревянных платформах, приподнятых над землей в центре деревни. Кур и коз торопливо загоняют или тащат в высокую траву неподалеку от деревни. Звук выстрела наводит этих людей на мысль, что пришли аскари, чтобы отнять еду у тех, у кого часто ее не хватает для себя, особенно когда окружающая местность находится под водой.

Многие туземцы Конго совершенно не знают, что белый человек или черный аскари могут сделать с помощью ружья и каковы границы возможностей этого оружия. Часто меня среди кромешной тьмы будила возбужденная толпа туземцев, которые подходили к моей палатке, чтобы сообщить мне, что в данный момент появилось стадо слонов.

«Для охоты слишком темно» — отвечал я.

«Ах, ах, ай, ай! Но твоя палка сильна; иди стрелять. Нужно мясо. Нас много, и мы голодны!»

К полудню отставшие носильщики были найдены и рассказывали о своих ночных приключениях, о том, как «прилетели огромные птицы, напали на них, но были отогнаны палками». Всю ночь они провели на клочке земли в центре болота. Комары и другие насекомые доставили им «ужасное удовольствие».

«Мы испугались, да, сильно испугались, и всю ночь вокруг разговаривали духи. Мы не могли спать, у нас не было еды; а, духи говорили очень громко. Рано утром большие птицы появились над нами высоко в небе и спустились совсем низко; они думали, что мы умрем, но нет, потому что мы отогнали их палками, и теперь мы здесь».

«Хозяин, мне холодно и больно», – сказал один и закрыл лицо руками.

«Вы видели сегодня тушу мула?» – спросил я.

«Да, – ответил другой, по имени Момбваса – большие птицы едят его, и теперь его кости будут белыми».

Позже я узнал, что эти парни пытались снять кусок веревки с головы мула, в то время как стервятники отрывали куски мяса от его туши.

Естественно, грифы возмутились вторжением негров и напали на них. К счастью, в то время стервятники еще не собрались в большом количестве, иначе дело для носильщиков закончилось бы плохо.

К полудню большое количество этих птиц зависло над мулом, который лежал внизу в болоте, примерно в трех милях от нашего лагеря. В тот день мои негры подверглись приступам лихорадки и жалобно стонали. Некоторые из них заявили, что вот-вот умрут, но я посоветовал им хорошенько подумать, прежде чем принять окончательное решение. Даже вид еды вызывал у них отвращение – одно это было достаточным доказательством того, что с ними что-то не так.

Около полудня и мне пришлось лечь спать с резким приступом лихорадки. Я попробовал настойку от лихорадки доктора Варбурга и получил от нее значительное облегчение. Большинство других лекарств, кроме хинина, не рекомендуются, так как при их изготовлении в основном используется опиум; но я убежден, что настойка доктора Варбурга является превосходным противоядием от лихорадки и многих других болезней, которые можно встретить вдоль Нила и в других экваториальных странах.

Между прочим, говоря о лихорадке и ее лечении, многие люди считают полезным ежедневно принимать пять, или около того, гран хинина еще до того, как проявятся какие-либо симптомы лихорадки. Хинин – прекрасное средство, и все, кто жил в странах, где есть риск заболеть лихорадкой, повсеместно признают его лучшим и самым безопасным средством для лечения болезни; но им никогда не следует злоупотреблять, так как при неосторожном употреблении он часто вреден для здоровья, вызывая головокружение, глухоту и расшатывание зубов.

Каким бы неприятным ни был хинин на вкус, я считаю разумным раскусить капсулу, покрытую сахаром, или таблетку любого лекарства, прежде чем проглотить. Можно привести несколько примеров из Африки и других мест, когда люди без пользы использовали таблетки по той простой причине, что сахарное покрытие было слишком толстое и не растворилось вовремя, чтобы открылось активное лекарство внутри. Давая эту рекомендацию, я не хочу создать предубеждение против препаратов, которые изготавливаются в виде капсул или таблеток, это далеко не так. Аптечки, которые мне поставила фирма «Берроуз Велком», были бесценны и стояли по важности рядом с ружьями и боеприпасами, без которых человек не выжил бы. На мой взгляд, нет ничего лучше для путешественников, чем продукция этой

фирмы, лекарства которой неоднократно подвергались суровым испытаниям в этом путешествии, пожарам и наводнениям, но всегда оставались в идеальном состоянии, ибо я хранил их в оригинальном стальном корпусе, поставляемом фирмой.

Палатка с моей кроватью была поставлена тотчас по прибытии в лагерь. Моника и Матанганга попросили разрешения пойти за едой для парней в деревню, которую один из них заметил с вершины дерева примерно в двух милях от нас. Так как я был слишком болен, чтобы передвигаться самостоятельно, а в лагере не было еды, мне пришлось отпустить полдюжины боев, чтобы добыть достаточно продуктов для остальной группы. По возвращении все они были в большом возбуждении, так как шинзи сказали, что накануне через деревню в южном направлении прошел белый человек. Из его описания я понял, что это был П., который, несомненно, к тому времени уже пришел на встречу со мной, и, таким образом, мы разминулись.

Не рекомендуется отпускать носильщиков далеко от лагеря, если только вы не можете быть с ними, ибо их малейшее своеволие может создать проблемы с туземцами. Например, в каждой деревне есть обособленные аванпосты, которые прячутся в траве и рыщут вокруг со своими копьями и стрелами, якобы для охоты на дичь, а на самом деле наблюдая за передвижениями окрестных племен, которых они постоянно боятся и опасаются, как бы те не совершили внезапную атаку. Эти аванпосты и разведчики, скорее всего, оттачивают свои навыки владения оружием на любых чужеземцах, которые могут неосторожно вторгнуться в их владения, и хотя носильщики находятся в относительной безопасности, пока их сопровождает белый человек с ружьем, рискованно позволять вашим людям уходить далеко от лагеря без присмотра.

В течение двух дней я лежал в лихорадке и думал о цивилизации и всех сопутствующих ей удобствах. Здесь я был один, и мне было не с кем поговорить, потому что от туземных собеседников мало толку. Утром третьего дня, хотя и чувствовал себя не очень хорошо, я снова был готов к дороге. Когда мы подъехали к хижинам деревни, все жители сгрудились вокруг нас. Деревенский староста, высокое жилистое существо с огромной копной волос, украшенной журавлиными перьями и красной глиной, голый, если не считать куса высохшей коры, служившей фартуком, вышел вперед, улыбаясь, и предложил показать мне, где другой белый человек разбивал лагерь несколько дней назад. Я знал, что у П. было с собой ружье 350-го калибра, и успел заметить, что у этого парня на шее были две пустые гильзы, а на вопрос, где он их достал, дикарь сообщил мне, что белый человек стрелял в животных.

«Да! у белого человека с такой же головой, как у тебя, – и он указал на мой тропический шлем, – была большая палка, и он держал ее вот так». Затем староста имитировал звук выстрела из ружья.

К этому времени мы отошли на некоторое расстояние от хижин и подошли к группе деревьев.

«Смотри сюда», – воскликнул он и указал на кучку пепла на земле. Рядом на ветке висела пара рогов антилопы. Мой интерес к действиям моего друга возбудил любопытство этого парня, и он несколько мгновений смотрел на меня своими большими карими налитыми кровью глазами. После короткого разговора с некоторыми из своих людей он хмыкнул, что означало, что он хочет, чтобы я выслушал.

«Другой белый человек – это твой отец?»

«Нет» – сказал я.

«Он твой друг?»

«Да!» – ответил я.

Они как будто были разочарованы услышанным, и староста снова завел оживленную беседу со своими людьми.

«Я вижу, у тебя также есть две огненные палки, но у нас их гораздо больше», – и он указал на одного парня на заднем плане, который держал старый мушкет с отполированным стволом и пучком травы, обернутым вокруг него.

«Ваши ружья не так хороши, как мои», – сказал я. При этом все громко засмеялись и покачали головами. Я подумал, что было бы неплохо произвести впечатление на этих людей. У моего повара был небольшой кусок доски, который он носил с собой, чтобы нарезать мясо при приготовлении фарша. Доска была размером примерно в десять на десять дюймов (25 x 25 см). Я прислонил ее к дереву на расстоянии примерно пятидесяти ярдов. Люди отступили, и дощечка, которая опиралась на ствол дерева, упала при выстреле с маленькой дыркой почти в центре. Люди громко расхваливали ружье и столпились вокруг дерева, чтобы посмотреть на пулевое отверстие. Ни одно их ружье не могло пробить доску такой толщины, и я сомневаюсь, что они были способны стрелять вообще, иначе они наверняка устроили бы мне демонстрацию мастерства своих стрелков в надежде превзойти мое оружие.

«Здесь много слонов» – сказал староста.

«Ах, ах! ой, ой!» – хором подтвердили его люди.

Я знал, что это ложь. Жители деревни накануне проговорились, что слоны ушли на юг и запад. Более того, все следы, на которые они указывали, были старыми. Это была уловка, чтобы заставить меня остаться, чтобы они могли обменять кур и другую еду на бусы и другие бартерные товары.

«У тебя много сукна и соли», – сказал староста, который все время присматривался к моим грузам.

«Ах, ах! ай, ай!» – кричали люди, хлопая в ладоши при виде ткани.

Многие открывали рты и показывали, что хотят соли. Так как здесь нужно было раздобыть провизию для всех нас, я решил остаться на час. Люди, видя, что я собираюсь остаться, побежали обратно к хижинам и вскоре вернулись с курами, мукой, яйцами и множеством других вещей, которые они хотели обменять на бусы, ткань и соль. Через несколько минут все уже кричали, смеялись и торговались.

Мне пришло в голову, что я напишу короткую записку П. и оставлю ее старосте, чтобы тот передал ее по возвращении моего товарища в деревню, так как я знал, что туземцы в Ваделае скажут ему, что я отправился сюда, и он последует за мной. Я написал записку, в которой сказал, что намерен идти прямо на запад и остановлюсь в нескольких милях к югу от большой горы, которая виднелась отсюда примерно в сорока милях. Желая достичь более высоко расположенной страны, чем анклав, я решил покинуть область комаров и отправиться на запад, где я мог бы ждать своего товарища.

Позвав старосту деревни, я попросил Салема объяснить ему, что по возвращении он должен передать конверт белому человеку. Этот дикарь позвал нескольких своих людей, чтобы они пришли и обсудили этот вопрос, прежде чем взять на себя ответственность за «кожу, которая говорила». Конверт передали туземцам, которые обращались с бумагой со страхом и трепетом, как с живым и ядовитым животным. Последовали обычные споры и качание головами. Староста был согласен, но женщины и некоторые мужчины уверяли его, что неразумно иметь такую опасную вещь в деревне. Опасаясь, что записка будет уничтожена, как только я покину деревню, я сказал вождю, чтобы он сообщил моему другу о направлении, в котором я ушел. Один старик спросил меня, не является ли бумага, на которой я написал, кожей неведомого им животного; где я такое животное нашел, и задал еще ряд нелепых вопросов. Было забавно наблюдать за людьми, когда я скомкал использованный в качестве черновика лист бумаги и лениво швырнул его на землю. Через мгновение подошла бродячая собака и обнюхала бумагу. Увидев это, один парень вышел вперед и осторожно отнес бумажный комок в траву. Он даже не стал прикасаться к нему пальцами, а приподнял двумя кусками палки. Я не был

удивлен, обнаружив таких диких людей, так как находился уже на довольно приличном расстоянии от цивилизации.

Глава XIV

В течение трех дней я шел на запад и разбил лагерь немного северо-западнее старой бельгийской станции, предположительно отмеченной на картах как Драни или Алензой. Есть несколько вещей, которые стоит упомянуть и которые произошли в течение трех дней, когда мы постепенно продвигались вперед по постепенно поднимающейся местности, оставляя позади полчища комаров. Местами территория была покрыта красивыми лесами, мало чем отличающимися от участков английских парков, но с более высокой травой. Природа разбросала тут и там большие валуны, время от времени возвышавшиеся на несколько футов в виде глыб темно-красного цвета. После дождя у их подножия роились бесчисленные тысячи муравьев.

Однажды я наткнулся на широкую и быструю реку, которая в засушливое время года была бы не чем иным, как журчащим ручьем; но дожди теперь шли часто, и то, что летом было не более чем каменистой ложиной с сухим песчаным и усыпанным камнями дном, превратилось теперь в бушующий поток, чей рокот мы слышали почти за милю, прежде чем с небольшого холмика увидели в сотне ярдов kloкочущую реку. При замере глубины шестами в разных местах было обнаружено, что вброд поток не перейти. Большое дерево нависало над рекой выше по течению, и я заставил носильщиков поработать топорами, а вскоре имел удовольствие видеть, как огромный ствол наклонился и упал через русло. Но тут же я был удивлен и разочарован, когда наш «мост» под яростным напором воды развернулся и понесся вниз по течению. Дерево было примерно на два фута короче ширины реки. Все мы бросились в погоню, и в полумиле ниже ствол был остановлен, наткнувшись на три огромных валуна.

Приложив большие усилия, нам удалось спилить несколько деревьев, привязать их лианами к застрявшему на камнях большому стволу и, таким образом, соорудить мост из кустов, веток и лиан. Во время переправы несколько парней «искупались», но грузы были перенесены без повреждений и потерь.

Однажды вечером, когда уже зашло солнце, мы расположились лагерем на опушке небольшого леса. Один из моих парней зачем-то покинул лагерь и вскоре вернулся в сильном возбуждении, бросившись ко мне с криком:

«Бвана, шинзи идут!»

Ожидая внезапного нападения, я приготовился с ружьем в руках, пока возбужденное существо хрипло шептало испуганным носильщикам об увиденном и услышанном. Оказалось, что он собирал какие-то дикие плоды и слышал поблизости шорох в траве.

Нет, это была не «ньяма» (дичь, животное, мясо). Он слышал, как невидимые существа разговаривали, и все они были в большом волнении!

Но тут в том самом направлении, которое он указал, из леса вышли трое моих парней, неся огромные комки дикого меда. Они ускользнули из лагеря под покровом темноты, чтобы собрать его. После этого все вздохнули свободно, а паникёра закидали комками грязи.

Именно здесь на следующее утро я отдал Каджаке, одному из боев, несколько своих рубашек, носки и т. д., чтобы постирать. Прогуливаясь по берегу через полчаса, я заметил его сидящим на корточках у реки, а узел белья лежал рядом на большом валуне. Он ел голубое мыло, которое я дал ему для стирки!

В тот вечер у меня была возможность стать свидетелем танца, который устраивался в соседней деревне, чтобы отпраздновать приход новой луны. Так как вокруг хижин не было изгороди, я мог из лагеря смотреть вниз на утоптанную землю в центре селения, на которой должно было состояться представление. К закату полыхали огромные костры, туземцы бешено били в барабаны, а обычный адский шум, производимый мужчинами, женщинами и детьми,

поющими, кричащими и свистящими, накладывался на пронзительные звуки тростниковых дудок и рев труб, изготовленных из рогов антилоп.

Желая поближе понаблюдать за фанатичной толпой танцоров, я направился к месту происшествия, укрывшись за стволом дерева и невысоким кустарником, чтобы мое присутствие не заметили. В то время я страдал от сильнейшего приступа зубной боли и, тем не менее, продолжал интересоваться происходящим, одним глазом следя за лагерем за моей спиной, а другим – за странной сценой в пятидесяти ярдах впереди меня. В Конго, а также я могу сказать и во всей Африке, танец невозможен без какого-либо пения, соло или хора. Насколько я помню, выдающимися деталями этого танца были вопли и мычания в унисон с ритмичными движениями тел и конечностей, хлопки в ладоши, топание пяткой или плоской ногой, качание головой, приподнимание локтей и своеобразные дрожания мышцами живота.

В танце, посвященном новолунию, свадьбе или любому другому празднику, принимает участие все общество. Индивидуальные демонстрации танцевального мастерства чередовались почти без перерыва. Время от времени из топающей и шаркающей толпы, излучающей запах пота, струящегося по телам, выпрыгивал дикарь (видимо, лучший в деревне танцор) с фантастической прической на голове, дополненной пучками травы и птичьими перьями. Он бросался вперед в воображаемой схватке с противником, кривлялся всем телом, вздымая плечи, а медные и железные украшения, звякавшие на его конечностях, тускло сверкали в зловещем свете пламени. Время от времени клубы дыма скрывали его тело от моего взора, оставляя на виду только демонические черты лица, увенчанные фантастическим головным убором.

Пока шло это представление, ряды мужчин и женщин позади солиста продолжали петь, кричать, топать и шаркать ногами, извиваться телами и мотать головами; в то время как кружащаяся, визжащая фигура в центре проделывала нелепые, то комические, то драматические эволюции, а затем с криком высоко подпрыгнула и упала в изнеможении, распластавшись на земле, подняв облако пыли.

Пение и визги толпы все еще продолжались, и через несколько секунд из первых рядов выскочило еще одно дикое существо и начало свое выступление с явной целью превзойти успех своего предшественника.

Позади танцоров я едва различал в зыбком свете от языков пламени вершины конических травяных хижин на фоне пышной листвы и ясного ночного неба. В церемонии приняли участие даже крошечные дети.

Внезапно еще одно существо, стоявшее среди остальных, издало громкий вопль, приняло вызывающую позу, выхватило пылающую головню из костра и подняло ее вверх. Этот дикарь начал подпрыгивать, высоко поднимая ноги от земли; он бешено носился взад и вперед вдоль передней возбужденного извивающейся и шаркающей линии танцоров. Он кричал и визжал под аккомпанемент рева труб и грохота барабанов. Низкие басы мужчин и пронзительные фальцеты женщин иногда звучали не совсем противно, а их браслеты звенели, и ряды белых зубов сияли в мистическом свете костра под звездным небом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.